Дорогу осилит идущий

От многих деревень, хуторов и поселков нашего района не осталось ничего, их нет даже на карте. Но они остались в памяти тех, кто там родился, жил, или хотя бы гостил. Лет двенадцать назад уехал последний житель из деревни Новики Милеевского сельсовета.

Деревенька уютно располагалась на берегах небольшого озера вдали от дорог, среди лугов и лесов. Уроженец той деревни Алексей Иванович Терехов живет сейчас в Бетлице.

Родился он 23 марта 1931 года в семье крестьян Евдокии Ивановны и Ивана Дмитриевича (кстати, тоже уроженца Новиков, только 1896 года). Помимо него в семье уже были два мальчика, через несколько лет после Алеши родилась еще и девочка. Все, кроме старшего брата, живы.

На тот момент деревня была большая - редко, когда в семье было меньше трех детей, поэтому имелась своя школа, правда, только начальная. В школу, как и любой первоклассник, Алеша пошел с волнением и радостью, которая не иссякала на протяжении всего обучения, хотя зачастую бывает наоборот. Ему было все интересно и по сердцу. А ребенком он рос добрым и чрезвычайно восприимчивым.

Однажды на уроке его попросили прочесть вслух рассказ Гаршина "Две Божьих Матери". В рассказе описывается, как маленькая девочка умирала от тяжелой болезни, а ее мама постоянно молилась и просила Бога о выздоровлении своей дочери. Но девочка все же умерла. И когда Алеша дошел до этих строк, он разревелся в голос прямо на уроке… Первые три класса своего обучения он закончил на "4" и "5".

В марте 1941года случилось большое горе - умер отец. Мама осталась одна с четырьмя детьми на руках. Поэтому, помимо определенных домашних обязанностей, Алексею пришлось идти зарабатывать деньги. Весной они с братом пасли лошадей и драли ивовую кору, которую сушили и сдавали в магазин в соседней деревне Лутне. За кору денег платили немного, но можно было купить сахарку и немножко конфет. Летом его поставили пасти колхозных телят - 60 голов. Эта работа от зари до зари, без выходных и праздников, и было так тоскливо и завидно слышать звуки гармошки и песен, доносившиеся из деревни во время празднования Троицы и Духова дня. В августе пастушью работу с него сняли, и они с братом ударились в "грибную охоту". В колхозе работа была только за палочки, но из них рубахи не сошьешь, а вот за сушеные боровики платили хорошие деньги, на которые мама справила им кое-какую одежонку. Начиная с весны деньги вкладывались в соль, так как уже ходили слухи, что вот-вот начнется война. Верили - не верили, а запасы сделать старались. Голод им, конечно же, не грозил - немаленький, но ухоженный огород давал полный набор овощей, домашнее подворье обеспечивало мясом, яйцами, молоком. С особой нежностью Алексей Иванович вспоминает свою любимицу - корову Лосеньку, которая, помимо отменного молока, двадцать лет подряд одаривала их крепкими и здоровыми телятами.

Слухи о войне оправдались, поэтому 15 пудов соли и мешок муки были запасены не зря. В июле-августе 30 мужчин из деревни призвали на фронт (половина из них не вернутся домой). В сентябре они выкопали на своем огороде блиндаж с потолком из круглых бревен, как им казалось, надежное убежище.

2 октября стала слышна орудийная пальба со стороны Десны, которая усилилась, и уже к полудню приблизилась к их деревне. Немцы начали наносить бомбовые удары по нашим укреплениям в Соколином бору воль Десны. Солдаты Красной Армии в спешном порядке отступали. Был сбит наш бомбардировщик, который упал в километре от Новиков. А потом появились немцы: сначала танковая колонна проследовала по большаку мимо Новиков в сторону Мокрого, следом за ней проехали грузовики с фашистскими солдатами, а к вечеру они появились в деревне. Шумные, наглые, - чувствовали себя хозяевами, ломали улья, кололи поросят, - брали все, что им требовалось.

Так началась оккупация, а с ней и изоляция. Передвигаться из деревни в деревню было запрещено категорически. Два километра между деревнями, но ты не знаешь, что там с твоими родственниками. По подозрению в связях с партизанами немцы расстреливали людей, не разбираясь.

В июле 1943 года немецкая жандармерия дала два часа на сборы и погнала людей в сторону Рославля. Обоз растянулся на три километра, здесь шли люди из 12-ти деревень. Рославльский концлагерь был переполнен, и около тысячи человек бросили на подходах к лагерю. О снабжении узников хотя бы водой никто не заботился. Чтобы не умереть от голода подростки, собираясь ватагой по 5-7 человек, совершали набеги на деревню в двух километрах от лагеря, из которой тоже всех жителей угнали. Там они копали картошку, морковку, брюкву.

Каждый день из лагеря в Германию отправляли определенное количество узников. Им повезло - в конце сентября Красная Армия выбила фашистов из Рославля. Уцелевшим бывшим пленным было велено быстро собраться и отправляться по домам. За три дня, прошагав почти сто километров, они пришли в свою деревню. Деревня была практически сожжена. Алексей Иванович помнит, как растерялся, когда увидел огромное пепелище: впереди зима, что же делать? Но мама первым делом велела накосить сена для Лосеньки, а потом натаскать с полей ржаных снопов. Из снопов в три слоя они соорудили шалаш 3х4 метра, из битого кирпича сложили печурку. С пропитанием первое время было совсем плохо: ковыряли на колхозных полях картошку (мерзлую, полусгнившую), из которой пекли "драники", употребляли в пищу любой более-менее съедобный подножный корм.

Спасала и жизнь, и здоровье, конечно же, многострадальная коровушка. Если бы не она, не известно, выжили б…

Но это еще, как говорится, полбеды. Беда была в том, что в 1944 году, когда сами кормились чем ни попадя, государству обязаны были сдать 40 кг мяса, 300 л молока, 300 кг картофеля. Каждый трудоспособный человек (в том числе и подросток) должен был отработать 10 дней на строительстве дорог и напилить определенное количество кубометров дров для нужд колхозов и учреждений. В 1946 году этот непосильный налог все же отменили.

После снятия оккупации в Верхнем Студенце заработала школа, и Алексей опять с радостью пошел учиться. В 1947 году он получил свидетельство об окончании семилетней школы, в котором не было ни одной тройки. И это при том, что во время обучения два дня в неделю в школу он не ходил: сначала с братом пилили лес за две буханки хлеба в день, потом в Раменном лесничестве готовили ружейную болванку и спицы для тележных колес.

Помнит Алексей Иванович, как в 1946 году большую радость принесла в дом обыкновенная керосиновая лампа со стеклом, которую зажигали по вечерам взамен лучины, и теперь по вечерам можно было даже читать.

После семилетки поступил в Козельский торгово-кооперативный техникум. Отучился сентябрь, и пришлось бросить учебу - развалились единственные ботинки, а денег на покупку новых не было. И вот где пешком, где "зайцем" на

пригородных поездах вернулся домой.

В колхозе работа хоть и была, но денег за нее не платили, поэтому поначалу пристроился подмастерьем в Рогнединское лесничество на изготовление парт, столов, саней.

Потом Алексея "занесло" в Архангельскую область на заготовку леса. Там в 60-ти километрах от станции Вандыш они с напарником чуть не отдали Богу душу.

В местечке, где они за месяц напилили 200 кубометров леса, температура воздуха доходила до -36 градусов, а высота снежного покрова - более 70 сантиметров, а это значило, что далеко от зимовья не уйдешь. О них, скорее всего, намеренно забыли. Продукты у рабочих закончились, с Большой земли никто не ехал, сил работать уже не было. Держались на последних кусочках сахара. Иван, напарник Алексея, стал плакать по ночам от голода и безысходности, но Алексей почему-то был уверен, что они не пропадут. И вот в тот день, когда ждать уже было невозможно, и выбор был невелик: либо умереть здесь от голода, либо замерзнуть в пути, они услышали шум работающего мотора. Это был бронетранспортер. Как оказалось, военных подключили к поиску пропавшего охотника. И к их зимовью солдат привели медвежьи следы. Охотника нашли на следующий день, но уже мертвым - его задрал медведь.

Когда они явились к нанимателям, те были глубоко удивлены и даже немного растерялись. По всему видно было, что увидеть лесорубов живыми никто не намеревался. Но все-таки работодатели расплатились сполна, и через пару дней Алексей был уже дома.

Две недели промучился с обмороженными пальцами на ногах и опять - в поиски работы. В колхозе по-прежнему работали за трудодни, поэтому он хватался за любую весточку о работе: была возможность делать колеса для телег в Дятьково - ехал, появилась возможность изготавливать те же колеса и сани в Тутаеве, Коврове или Калининской области - не раздумывал. Труд был адский, жили там же, в мастерских, рабочий день был по 14-16 часов. Но было очень приятно привезти зарплату маме, которая с этих денег заплатит налоги, купит какие-никакие обновки, продукты.

А потом с ним случилось великое чудо - любовь! Это была первая и последняя любовь, пронесенная через всю жизнь. Милая, застенчивая девушка Аня была родом из его же деревни. Работала на Кировском "Стройфаянсе", поэтому встречаться они могли только раз в две недели… Так прошло два года. В 1953 году они стали мужем и женой.

Но 53-й год был для них ознаменован не только радостью, многое изменилось в стране, и далеко не все в лучшую сторону. Пришел к власти Никита Хрущев, который требовал выращивать кукурузу даже в тех местах, где лето длилось всего 2 месяца. Крестьянам вменялось отработать как минимум 200 дней в году за "палочки-трудодни", в магазинах пропал белый хлеб, а черный был с примесью кукурузы и ячменя - "Хрущевская оттепель" оказалось совсем не теплой. За это время из Новиков уехали более 70-ти человек трудоспособного возраста. Молодые люди уезжали в город, устраивались там грузчиками, дворниками, рабочими по переборке овощей-фруктов, на любое, даже очень вредное, производство.

Когда в очередной раз Алексей был в отходничестве - изготовлял сани в д. Ломы Смоленской области, опять судьба испытала его на прочность. Жили бок о бок, елипили из одной чашки с мужчиной, который был болен туберкулезом. Зная о своем заболевании, тот не предупредил Алексея. Теперь была опаска не только за свою жизнь - Аня была беременна. Но к счастью все обошлось.

Летом 1954 года родилась дочка Нина. Задумка о новом доме стала более актуальной. Когда девочка подросла, Алексей с Анной и шурином Николаем выпилили необходимое количество бревен, с горем пополам перевезли их с делянки в деревню и стали ставить дом.

Большую помощь оказал мамин брат Федор, который научил, как заводить углы, рубить чертуканавку, а также одолжил станок для изготовления кровельной щепы (на крышу у них ушло 25 тысяч штук) и подарил продольную пилу для изготовления досок.

Позже Алексей устроился кадровым рабочим в столярный цех "Промкомбината" в п. Бетлица. Крестьян в то время не отпускали из колхоза, паспортов не выдавали, и директор предприятия Д.И. Трошин принял его на свой страх и риск, оставив в книге приказов полстранички пустой, с намерением оформить задним числом, когда что-нибудь в стране изменится.

Долгие годы ничего не менялось, его пытались всеми правдами и неправдами вернуть в колхоз. Но Трошин на все кляузы неизменно отвечал, что приказа на трудоустройство А.И. Терехова у него не значится.

Однажды, приехав вечером домой, он увидел плачущую маму - оказалось, что у них отобрали огород и перестали пускать корову в стадо.

- Ну, что же, - вздохнув, сказал Алексей, - будем переезжать в Бетлицу, мне уже надоело ездить на работу на велосипеде. Стали держать корову возле дома на привязи, а траву ей косил Алексей после работы в сумерках, по кустам.

Вскоре в колхозе переизбрали председателя. Сергей Петрович Лариков подошел с пониманием и заверил, что огород их никто не тронет, и корову впредь можно водить в стадо. Но решение о переезде в семье Тереховых уже было принято, тем более, что Нина заканчивала Милеевскую начальную школу, а ближайшая средняя была все в той же Бетлице. Анна плакала по поводу того, что нужно ворошить практически новый дом, а Алексей грустил, что придется расставаться с родной деревней.

Участок для постройки им выделили на улице Горького, куда они и перевезли свой дом, поставили хлева для коровы, поросят, кур.

(Продолжение на 4-й стр.)